

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируется видение иностранной интервенции на территории Европейского Севера России в 1918–1920 гг. современными российскими историками в 1990–2000 гг. Рассматриваются основные направления научных интересов историков, внимание обращается на дискуссионные аспекты, присущие трудам российских историков. Дается краткая характеристика наиболее значимых монографий по данной проблеме, оценивается влияние зарубежной (преимущественно американской) историографии на взгляды российских историков.

The author analyzes contemporary (1990–2000) Russian historian's views on Entente intervention in the Russian Civil War on the European North of Russia. There are considered main directions in historiography including discuss points, characterized the essential monographs on this issue, appraised the influence of foreign (mainly American) historiography.

Прежде чем приступить к описанию проблемы, следует обозначить основные критерии определения «современная российская историография». В рамки современной российской историографии мы включаем работы российских историков, созданные с конца 1980-х до 2010 г. Нижний хронологический рубеж определяется началом структурных изменений исторической науки и становления новых парадигм изучения советской и российской истории. Верхняя граница зависит от наличия последних доступных работ российских авторов. Основными качественными отличиями современной российской историографической традиции от предшествующей ей советской стали: отказ от видения истории, определяемого идеологическими и политическими требованиями, разнообразие методологических подходов в исследованиях, введение в научный оборот засекреченных и прежде недоступных для исследователей источников, открытый

характер исторической науки, допускающий влияние и обмен опытом с зарубежными исследователями, пребывание в едином информационно-методологическом поле¹.

В современной российской историографии гражданской войны на Европейском Севере России можно выделить несколько магистральных направлений. Историки рассматривают проблемы, связанные с деятельностью антибольшевистских правительств, отношением простого населения к противоборствующим сторонам, проявлением сепаратистских тенденций в регионе. В то же время одной из самых дискуссионных и наиболее обсуждаемых проблем остается изучение иностранной интервенции в 1918–1919 гг., степени ее влияния на эскалацию и последующий ход гражданского конфликта.

Дополнительный импульс рассмотрение проблематики интервенции получило как благодаря переменам в общественно-политическом клима-

те, так и за счет открытия доступа к ранее засекреченным источникам, документам, воспоминаниям. В последние два десятилетия ряд издававшихся в России сборников документов, переизданий воспоминаний деятелей белого движения касались непосредственно деятельности интервентов. Здесь уместно вспомнить опубликованный в 1997 г. сборник воспоминаний иностранных офицеров и дипломатов «Заброшенные в небытие»². Также следует отметить изданный в 2008 г. в Санкт-Петербурге фотоальбом «Гражданская война на Севере России глазами британцев», в котором были представлены 120 любительских фотоснимков, снятых военнослужащими британской армии за время их службы в России и хранящихся в фондах Лондонского Имперского военного музея³.

Значительное влияние на российских историков оказало знакомство с зарубежной историографией в лице таких ее представителей, как Дж. Кеннан, Л. Страховский, Дж. Лонг⁴. Популярность приобрело мнение американского исследователя Дж. Лонга, отмечавшего серьезные разногласия между союзниками по вопросам целей, масштабов, сроков присутствия войск Антанты в России. Необычной для российских историков стала принятая в американской историографии оценка интервенции как средства предотвратить возможную переброску немецких войск с Восточного фронта на Западный после подписания советской стороной Брест-Литовского мирного договора и фактического выхода из Первой мировой войны. Также с помощью интервенции представлялось возможным защитить союзные коммуникации и запасы в северном регионе от захвата немецкими сухопутными войсками и морскими силами. Не исключалась и возможность восстановления Восточного фронта в России, поскольку большевики теперь воспринимались как фактические союзники Германии.

В рамках изучения иностранной интервенции в крае дискуссионными для историков остаются проблемы степени реальности угрозы немцев и финнов позициям союзников в крае, отношение к интервенции «по соглашению» с советской стороной, значение и сущность проблемы Мурманского «узла», отношения между интервентами и местными антибольшевистскими режимами. В 1990-х гг. историкам одновременно приходилось противостоять ставшей популярной в публицистике точке зрения чуть ли не о братской помощи союзников⁵. Но если прагматический характер присутствия иностранных войск историками признавался, то относительно роли интервенции в эскалации войны и в последующем ее развитии единства мнений среди них не наблюдалось.

В данной ситуации представляется уместным провести аналогию с предложенным американским специалистом Дэвидом Фоксом разделением историков-русистов на три, отличающиеся по

возрасту поколения – «отцов», «детей» и «внуков», взгляды и позиции между которыми могут кардинально отличаться⁶. Применительно к отечественным специалистам, рассматривающим гражданскую войну, можно заметить, что ученые-«отцы», принявшие активное участие в трансформации советской историографической традиции, по-прежнему придерживаются характерного для советской историографии тезиса о решающей роли интервенции в эскалации гражданской войны в регионе. С нашей точки зрения, В.И. Голдин сформулировал данное положение наиболее цельно и лаконично: «Без интервенции гражданская война в регионе не приобрела бы такой размах, ожесточенность и длительность и ограничилась бы кратковременным локальным столкновением»⁷.

Историки-«дети» смотрят на эту проблему с иных позиций. Так, согласно мнению Л.Г. Новиковой, свержение советской власти в Архангельске нельзя рассматривать как изолированный эпизод, ставший возможным только благодаря помощи союзников. Локальные очаги противостояния возникли еще до прибытия интервентов в архангельский порт⁸. Она также констатировала рост симпатий к союзникам среди широких масс населения региона к лету 1918 г. При этом вызван этот рост был не столько патриотическим неприятием Брестского мира, сколько продовольственными проблемами в крае и недовольством репрессивной политикой большевиков.

Л.Г. Новикова в полном согласии с предшествовавшей историографической традицией признавала специфической особенностью региона длительное количественное доминирование иностранных войск по сравнению с местными антибольшевистскими вооруженными силами. При этом каких-либо масштабных сражений с участием иностранных войск проведено не было.

В то же время исследователь обратила внимание на неоднозначный характер помощи со стороны держав Антанты, политика которых отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Большевики, таким образом, получили возможность эксплуатировать националистические инстинкты населения, а реальная помощь союзников на деле оказалась недостаточной. Также далеко не однозначными оказались взаимоотношения руководства местных антибольшевистских режимов и союзников.

С другой стороны, Л.Г. Новикова констатировала быстрое наступление разочарования в интервентах, проявившееся в среде местной военно-политической элиты, опасавшейся вооруженного вмешательства союзников во внутренние политические конфликты. Раздражение вызывали чрезмерно самостоятельные действия иностранцев и их зачастую откровенное пренебрежение Россией и русскими. Историк приводила свидетельства антибританских настроений среди

офицерства и чиновников, всерьез опасавшихся превращения края в «английскую колонию».

Подобные взгляды широко разделяются другими российскими исследователями. И.А. Соловьева отмечала вызванное проблемами со снабжением и массовым голодом разочарование местного населения в союзниках⁹. В.Ж. Цветков упоминал о критике в адрес союзников со стороны руководителей Временного правительства Северной области, писал о разногласиях между русскими и английскими военными¹⁰. Е.И. Овсянкин, ссылаясь на мемуары военного прокурора Северной области С.Ц. Добровольского, приводил свидетельства порчи и уничтожения военного имущества, боеприпасов, техники эвакуирующимися союзниками под предлогом якобы полной материальной обеспеченности местных белых войск¹¹. Таким образом, по мнению Л.Г. Новиковой, отношения между русскими антибольшевистскими силами, на идеологию которых повлияли в той или иной мере идеи имперского либо русского национализма, и союзниками оставались достаточно напряженными, а первоначальная широкая поддержка интервентов носила практический характер. В то же время и историки-«отцы», и историки-«дети» сохраняют относительное единство взглядов в оценке ведущей роли Великобритании в инициировании и осуществлении интервенции в регионе¹².

Не менее интересной и значимой в контексте изучения интервенции остается проблема так называемого Мурманского «узла», интерес к которой был актуализирован В.И. Голдиным в 1994 г. на страницах журнала «Отечественная история»¹³. Ранее в исторической науке существовал миф о «предателе-троцкисте» А.М. Юрьеве, руководителе Мурманского совета, который, выполняя прямой приказ Л.Д. Троцкого, пригласил войска интервентов на территорию Кольского полуострова. По мнению В.И. Голдина, слова Л.Д. Троцкого из телеграммы Мурманскому совету от 1 марта 1918 г. о готовности принять всяческую помощь союзников оказались в советской историографии изъятными из контекста. В.И. Голдин обратил внимание на неприятие Мурманским советом Брестского мира. Руководящий состав совета оказался предрасположен к активным контактам с союзниками, которые были обеспокоены активностью немецких и финских сил в крае. И если военные специалисты рассчитывали с помощью союзников осуществить отделение края, для А.М. Юрьева налаживание широких контактов с союзниками означало фактически международное признание советского государства. Также, по мнению В.И. Голдина, было бы ошибочным делать вывод о малочисленной социальной опоре большевиков в Мурманске. В городе, построенном незадолго до революционных событий, высокой оставалась доля рабочих, матросов, вследствие чего на выборах в Учреди-

тельное собрание по губернии за большевиков голосовало 70 % избирателей, в то время как в Архангельской губернии за большевиков голосовало не более 30 % избирателей.

Ситуация осложнилась в мае 1918 г. на фоне падения влияния большевиков в крае, вызванного отъездом из Мурманска демобилизовавшихся солдат и строителей. Большевики продолжали неофициально принимать помощь союзников, но среди командования союзных сил росло недоверие к большевикам и опасение за судьбу складированного в Архангельске и Мурманске оружия, боеприпасов, материальных ценностей. В качестве одного из вариантов использования вооруженных сил для охраны складов рассматривалось перебрасывание по железным дорогам сил Чехословацкого корпуса. Недоверие легионеров к предложенному советской стороной плану направления разоруженных частей корпуса в северные порты, по мнению современных русских историков, являлось одной из причин вооруженного выступления корпуса против большевиков. В свою очередь В.И. Голдин приписывал инициативу по перебрасыванию корпуса британской стороне¹⁴.

В.И. Голдин считал, что с конца мая союзники окончательно отказались от идеи сотрудничества с большевиками в пользу интервенции. А.М. Юрьев оказался заложником ситуации. Его оппоненты удачно сыграли на патриотических чувствах А.М. Юрьева, сделав разрыв необратимым.

По мнению В.Ж. Цветкова, интервенцию союзников на территории Кольского полуострова следует оценивать как интервенцию «по соглашению». Власть Мурманского совета при этом историк определил как «советскую по форме, но антибольшевистскую по содержанию»¹⁵.

Дискуссионной остается проблема определения количественного состава войск Антанты в регионе. В советской историографии наблюдалась тенденция преувеличивать масштабы присутствия иностранных войск. Если в первые послевоенные годы их состав оценивался в 4000 чел., то затем эта цифра была увеличена до 14 000 чел. По мнению В.И. Голдина, количество войск интервентов не превышало 4000–4500 чел., хотя ранее он озвучивал цифры в 21 000–22 000 чел. по состоянию на 1919 г.¹⁶

В центре внимания историков оказались также события, связанные с эвакуацией войск союзников. Так, Т.П. Тетервлева обратила внимание на отсутствие препятствий для эвакуации союзников летом – осенью 1919 г. со стороны правительства Е.К. Миллера¹⁷. Более того, соответствующие ведомства на примере этих мер отработывали схемы возможной эвакуации собственно белого движения. Тем не менее дальнейшая эвакуация белых сил из-за ряда допущенных ошибок потерпела неудачу. В меньшей степени рассматривались вопросы, связанные с деятельностью кон-

кретных персоналий на территории края и влиянием стран-интервентов на экономическую, финансовую политику местных антибольшевистских правительств. Прежде всего следует отметить недавно опубликованный Н.А. Макаровым энциклопедический справочник, содержащий биографии офицеров и некоторых рядовых солдат иностранных войск¹⁸. В работе «Архангельские деньги» Е.И. Овсянкин доказывает тезис о фактически полной зависимости местных антибольшевистских правительств от финансово-экономической помощи союзников. Историком приводились свидетельства спекуляции на росте фунта стерлингов со стороны союзных дипломатов¹⁹. Таким образом, по данному вопросу российские историки скорее солидаризируются со своими советскими коллегами, писавшими о марионеточном характере местных антибольшевистских властей.

В заключение отметим, что современная российская историография успешно преодолевает одномерное, характерное для предшествовавшей историографической традиции видение интервенции как результата некоего в одночасье оформленного заговора империалистов против молодого советского государства. В то же время ряд вопросов, касающихся масштабов присутствия иностранных войск, конкретных боевых действий с их участием, повседневной деятельности иностранных офицеров, условий оказания местным антибольшевистским силам материальной помощи, требуют дальнейшего рассмотрения.

¹ См.: Современная российская историография / Под ред. В.И. Меньковского: В 2 ч. Мн., 2009. Ч. 1. С. 5–13.

² См.: Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников: Мемуары и документы. Архангельск, 1997.

³ См.: Гражданская война на Севере России глазами британцев: фотоальбом / Имперский военный музей (Лондон). СПб., 2008.

⁴ См.: Kennan G.F. Decision to intervene: Soviet-American Relations, 1917–1920. Princeton, 1958. Vol. 2; Long J. Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920. New York, 1972; Strakhovsky L.I. The Origins of American Intervention in North Russia, 1918. Princeton, 1937.

⁵ См.: Овсянкин Е.И. Русский Север: первая четверть XX века. Проблемы историографии // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 64–66.

⁶ См.: Императорский период: Антология. Самара, 2000.

⁷ Голдин В.И. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005.

⁸ См.: Новикова Л.Г. Интервенция и Гражданская война на Русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 113–126.

⁹ См.: Соловьева И.А. Внутренняя политика Верховного Управления Северной области, 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

¹⁰ См.: Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.

¹¹ См.: Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 162.

¹² См.: Голдин В.И. Указ. соч. С. 23.

¹³ См.: Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в 1918 году // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74–89.

¹⁴ См.: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993. С. 35–36.

¹⁵ Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 392.

¹⁶ См.: Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в 1918 году // Отечественная история. 1994. № 1. С. 88; Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993. С. 120.

¹⁷ См.: Тетервлева Т.П. Эмиграционная политика властей Северной области в 1918–1920 гг. // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 103–108.

¹⁸ См.: Макаров Н.А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России, 1918–1920 гг.: Энцикл. биогр. словарь. Архангельск, 2008.

¹⁹ См.: Овсянкин Е.И. Архангельские деньги. Из истории денежного обращения на Русском Севере. Архангельск, 2008.

Поступила в редакцию 28.09.10.

Станислав Александрович Габрусевич – аспирант кафедры истории России. Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России В.И. Меньковский.